

ОБЫЧАЙ И МЕНТАЛИТЕТ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СОЦИУМА В РЕАЛИЯХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1960–80-Х ГГ. (на примере интерпретации архивных материалов фонда РГАНИ)

Столетова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, Вологодский государственный университет, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, Россия, Stoletowa-A-S@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2167-072X>

Аннотация. В статье на основе источников фонда Российского государственного архива новейшей истории охарактеризовано установление и действие обычаев в социально-экономической жизни второй половины XX в., оказавших влияние на повседневность, мироощущение и мировоззрение производственной части российского социума. Ставится вопрос об упрочении новых черт в сознании, индивидуалистских тенденций как основе мировидения. Акцентируется внимание на том, что диссонанс в уровнях социальной дифференциации, материального достатка и общественного статуса легли в основу ментального размежевания производственной верхушки, представителей менеджмента и рабочего класса. Автор обращает внимание на то, что со стороны трудящихся особенно остро воспринимались проникающие в быт и трудовую сферу жизни явления семейственности, клановости, кумовства и блата. Негативные реакции рабочих усиливали реалии жизни: дефицит, жилищный вопрос как проблему социального обустройства, изжившую себя систему заработной платы. Отмечается, что общественными нишами, в которых плотно укоренились обычаи и традиции, в большей степени связанные со злободневными и остросоциальными процессами, стали институты власти, собственности и торговли. Исследователь приходит к выводу, что к 1980-м гг. ввиду прохождения этапов дальнейшего идейного, социального и экономического разграничения, отделения личности от рабочего коллектива, обособления элиты и определенной изоляции его рядовых членов в производственной среде усиливались буржуазные стремления и идеалы накопительства.

Ключевые слова: производственный социум, рабочие, труд, трудящиеся, повседневность, менталитет, сознание, трансформация российского общества.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-00269

Для цитирования: Столетова А.С. Обычай и менталитет производственного социума в реалиях повседневности 1960–80-х гг. (на примере интерпретации архивных материалов фонда РГАНИ) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 61–70. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-61-70>

Research Article

CUSTOM AND MENTALITY OF PRODUCTION SOCIETAS IN THE REALITIES OF EVERYDAY LIFE IN THE 1960S-80S (An interpretation of archive materials from the Russian State Archive of Contemporary History)

Anna S. Stoletova, Candidate of Historical Sciences, Vologda State University, Vereshchagin Vologda State Dairy Farming Academy, Vologda, Russia, Stoletowa-A-S@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2167-072X>

Abstract. Based on the sources of the Russian State Archive of Modern History, the article describes the establishment and operation of customs in the socio-economic life of the second half of the 20th century, which influence the everyday life, attitude and worldview of the production (industrial) part of Russian societetas. The question is raised about the consolidation of new features in consciousness, individualistic tendencies as the basis of the worldview. Attention is focused on the fact that the dissonance in the levels of social differentiation, material wealth and social status formed the basis of the mental separation of the production elite, representatives of management and the working class. The author draws attention to the fact that the phenomena of nepotism, clannishness, favours and thuggery that penetrate into everyday life and the labour sphere of life were especially negatively perceived by the workers. The negative reactions of the workers were reinforced by the realities of life – the deficit, the housing issue as a problem of social arrangement, the outdated wage system. It is noted that the public niches in which customs and traditions were firmly rooted, were to a greater extent connected with topical and acute social processes, including the institutions of power, property and trade. The researcher comes to the conclusion

that by the 1980s, due to the passage of the stages of further ideological, social and economic differentiation, the separation of the individual from the working collective, the isolation of the elite and a certain isolation of its ordinary members in the production environment, bourgeois aspirations and ideals of hoarding were growing stronger.

Keywords: production societies, workers, labour, workers, everyday life, mentality, consciousness, transformation of Russian society.

Acknowledgments. The study was supported by the RSF “Transformation of Russian society of the 1950–1990s: class genesis and the evolution of the economic system”, project No. 19-18-00269

For citation: Stoletova A.S. Custom and mentality of production societies in the realities of everyday life in the 1960s–80s (An interpretation of archive materials from the Russian State Archive of Contemporary History). *Vestnik of Kostroma State University*, 2021, vol. 27, № 3, pp. 61–70 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-61-70>

Повествование о повседневных представлениях и традициях в государственном экономическом устройстве, на наш взгляд, неразрывно связано с соотношением понятий «обычай» и «менталитет», а также трансформационными маневрами внутри этих категорий. Проблема обоснования жизнеспособности существования обычаев, их вызревания, становления и эволюции, перестройки и переформатирования мышления, сознания, а соответственно, ментальных свойств и качеств российского общества напрямую связана с вопросом изучения быта, социально-материальных, духовных и психологических сюжетов, идеалов, ориентаций и норм поведения, характеристик и закономерностей обыденности второй половины XX в. Общественное мнение середины 1950-х гг. уже свидетельствовало о социальном расслоении в советском обществе. В 1960–80-е гг. высокий уровень публичной бдительности охватывал институты собственности и семьи, сферу торговли. Череда событий второй половины XX в., травмирующих социальную стабильность, вызвала ломку традиционных взглядов и представлений о советской повседневности, благоустроенности и образе жизни, финансовом благополучии, жилищном вопросе. Закономерно этим процессам общественные горизонты испытывали разного рода преломления. Культурная, социально-экономическая, политическая динамика способствовала появлению нового поколения элит, обновленной партноменклатурной системы. Вместе с тем эволюционирующие интересы, социальные ориентации и нравственные ориентиры правящей когорты защищались и реализовывались с помощью особых механизмов. Преобразования ментального плана среди так называемых «высших» категорий данной социальной страты стали настолько явными и глубокими, что «низшие» производственники, сталкиваясь с поведенческими особенностями действий и стереотипами мировоззрения руководителей, испытывали не только стремление купировать негативные новшества социально-экономического поведения, но и разочарование, некий идеологический слом, часто влекущий за собой утверждение частнособственнических идеалов.

В последнее время производственный социум стал объектом пристального внимания профессоров

М.А. Безнина и Т.М. Димони, кандидата исторических наук Ю.С. Никифорова. Исследователи вводят соответствующую терминологию: производственная протобуржуазия, «надпроизводственный» и производственный менеджмент [Безнин, Димони 2019: 437–453; Безнин, Димони 2020а: 42–60; Безнин, Димони 2020в: 36–63; Никифоров; 76–81]. В настоящем изыскании мы попытаемся сконцентрироваться на особенностях менталитета и вкраплении обычаев в жизнь трудящегося сегмента, трансформирующих социалистические идеи и идеалы. Отметим, что данная статья не претендует на описание особенностей мировоззрения рабочих советских республик, безусловно, коренным образом отличающихся по ментальности. Вместе с тем в исследовании будут показаны и продемонстрированы общие, однотипные черты развития производственного социума, в том числе на региональном материале.

Итак, начиная с 1960-х гг. в повседневности и обыденности бытования рабочего коллектива укоренились новые традиции. Вектором эволюции послужили злободневные противоречия трудовой жизни, а также образы и социально-психологические портреты должностных лиц в измерении и видении трудящихся. Размежеванию производственного социума [Столетова 2021: 17–21] способствовала экономическая конъюнктура: торговая деятельность, ее теневые стороны, спектр спекулятивных операций и широкая распространенность хищений и растрат имущества. Традиционализм российской экономической культуры определял ценность персонифицированных связей. Поэтому большое распространение получают явления *кумовства, землячества, блата*, постепенно перерастая в устойчивый обычай социально-экономической действительности второй половины XX в. Данные феномены являлись конкурентными и живыми ячейками системы и нередко определяли статус людей всех социальных страт и классов. Примечательно, что использование полезных связей прочно вошло в шаблон жизни, мысль о возможной влиятельной поддержке в обмен на услуги фиксировалась в сознании людей. Поэтому указанные нормы оказались крепко вплетены в экономическую практику общества, где обнаруживались предпринимательские навыки советских обывателей. Их внедрение соседствовало с трансфор-

мацией ценностных характеристик, искажением нравственного поля граждан, противопоставлении законной власти и власти традиций.

Наиболее часто *землячество регистрировалось при утверждении в должности. При этом имели распространение разного рода злоупотребления служебным положением*. Вариаций ситуаций, когда близкие и дружеские отношения решали исход того или иного дела, было множество. Особенно явно данный сегмент, по свидетельствам эпистолярных источников, проявлялся среди деятелей руководящего штата, номенклатурных работников. В письме от коммунистов из Карачаево-Черкесской автономной области от 31 марта 1975 г., предназначенном генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу сообщалось: «От правильной расстановки кадров зависит многое. Однако, к примеру, первый секретарь Прикубанского райкома КПСС – взяточник и демагог, разваливает работу. Любит поговорить об учете деловых политических качеств при выдвижении кадров, а сам нарушает этот принцип, выдвигая на должности своих родственников, друзей, тех, кто беспрекословно поддерживает. С негодными кадрами он расправляется. Второй секретарь обкома также наполнил идеологические учреждения своими родственниками, друзьями, приятелями. Пока будут иметь вес и поддерживаться Крайкомом КПСС такие руководители, умеющие пускать пыль в глаза, втираться в доверие, наша область будет и дальше двигаться вперед медленно»¹. В записке от члена КПСС, председателя Морозовского райисполкома Ростовской области А.С. Баладжан, адресуемой Л.И. Брежневу и датированной 30 апреля 1975 г., также обозначен случай «нарушения ленинских принципов подбора, расстановки и воспитания кадров». Так, «в Морозовский район Ростовской области прибыл гражданин Н.А. Лубежский – тесть первого секретаря райкома партии. Лубежский был принят инструктором райкома партии, а затем рекомендован секретарем парткома в экономически крепкий колхоз “Борец за коммунизм”. В жертву землячеству приносилось партийное отношение к подбору кадров»². В письме без подписи, направленном в газету «Правда» в 1975 г., говорилось о неблагонадежности биографии секретаря Центрального комитета партии по идеологическим вопросам Туркменистана. В документе зарегистрировано: «Большинство руководителей приближенные люди. Это Комитет печати, Туркменинформ, Туркмениздателство, Полиграфкомбинат, газеты и журналы. Иначе говоря, в этой отрасли создан узкий семейный круг. При этом печатные полиграфические организации работают из рук вон плохо. Газеты, журналы, книги доходят до трудящихся с большим опозданием»³. В письме от П.З. Магомедова и К.С. Османова из Махачкалы (середина 1970-х гг.) отмечалось:

«... часто на руководящие и материально ответственные посты назначаются люди по знакомству и личной выгоде. В этих серьезных упущениях повинны, в первую очередь, бюро обкома КПСС и его первый секретарь, Совет Министров ДАССР и его председатель»⁴. В большинстве обозначенных и иных обследованных писем фонда РГАНИ делаются выводы об уроне, наносимом обычаем землячества и злоупотреблением его применения в той или иной организации, отрасли, области, республике, в том числе обвиняются представители «высшего» класса российского общества, советская протобуржуазия.

Элемент использования семейных связей при распределении квартир, постройке жилья – следующий принцип, ставший шаблоном жизни 1960–80-х гг. Категория советских управленцев тяготела к усилению своего материального статуса посредством овладения недвижимостью. По свидетельствам очевидцев, деятели административного аппарата в данном отношении зачастую пренебрегали порядочными поступками и действиями. О подобном явлении рассказывает письмо без подписи (середина 1970-х гг.) следующего характера: «Все его [первый секретарь Волгоградского обкома КПСС] сестры, дети, племянники получили квартиры в центре города, а знакомые генералы получают их за хорошую “благодарность”»⁵. Аналогичные процессы фиксировала гражданка Д.Г. Магомедова (колхоз «Правда» Кельбаджарского района Азербайджанской ССР) в первой половине 1980-х гг.: «Наш земляк К.А. Щукюров построил себе дом-дворец за 200 тыс. рублей, а оформил его на имя своего дяди. На имена подставных людей приобрел 5 автомашин. Покрывает все махинации прокурор района, который является его приятелем»⁶.

Особенно явно внедрялись в общественную жизнь *факты проявления землячества, кумовства при организации торговли и установлении торговых связей*. При этом особым индикатором времени являлся рынок дефицитных товаров, ставший в свою очередь основой для развития сектора «теневого» экономики. Послабления в угоду приятельским контактам или родственным отношениям приобретали широкий размах, определяли торгово-финансовый интерес, а соответственно, и «вес» человека в данной системе координат. Подобная традиция нашла отражение в жизнедеятельности административно-управленческого аппарата села и разного рода служащих производственного звена. К примеру, корреспондент газеты «Молот» В. Молчанов 3 июля 1973 г. в ответ на письмо в редакцию, составленное трудящимися совхоза «Плодопитомнический» Морозовского района Ростовской области, совершил выезд на предприятие для проведения детальной проверки. «Руководители нашего совхоза больше пекутся не о выполне-

нии планов, а о своем благополучии. Много государственной продукции уходит на сторону», – отмечали жители района⁷. В. Молчанов определил, что совхоз не справлялся со снабжением фруктами и овощами жителей Морозовска и других городов, так как главной отрасли не отводилось ведущего внимания. В 1972 г. было реализовано 290 центнеров фруктов при плане в 3500 центнеров. «Ежегодно, как только начинается созревание плодов, в совхозе настоящее паломничество. Минуты государственные заготовительные пункты, овощи и фрукты с ведома руководителей хозяйства идут к друзьям, родственникам и разным должностным лицам. В то время как торговля этой продукцией разрешалась на месте только после выполнения государственного заказа. Порой отпуск продукции ведется без меры и веса. Только по учетным бухгалтерией данным ушло на сторону 368 центнеров, или на 348 центнеров больше, чем сдано государству. Удивительно то, что неправильный путь приобретения для себя продукции избрали те товарищи (работники районных организаций), которые обязаны добиваться от каждого хозяйства соблюдения государственной дисциплины», – подчеркивал журналист⁸. Обозреватель обозначил также и то, что «секретарь партбюро показывал зачастую отрицательный пример. В заготовительный сезон он только и делал, что организовывал снабжение овощами и фруктами многочисленных родственников, не имеющих никакого отношения к совхозу»⁹. Таким образом, продукция совхоза, и не только упомянутого в письме, обходилась государственные заготовительные пункты. В результате устанавливающихся обычаев дефицит товаров возрастал, рабочие совхозов, не имеющие возможности участвовать в «распределении» продукции, оказывались чрезвычайно стесненной в социально-материальном плане категорией. Рабочий В. Николаев из села Виловатово Горно-Марийского района Марийской АССР писал в «Советскую торговлю» в 1975 г. о том, что такие дефицитные товары, как ковры, холодильники, куртки, мясные консервы, цемент можно было приобрести по запискам и в результате личного распоряжения председателя совхозрабкооп¹⁰. Представители колхозного и совхозного производственного сообщества часто сообщали в «Советскую торговлю» о недостатках устанавливающихся принципов и образа жизни, скудном рационе питания и грубых нарушениях при продаже дефицитных изделий. Судя по источникам за 1975 г., обыкновением времени стало явление отпуска товаров из-под прилавков, по знакомству, а также «с черного хода», с баз и складов по запискам торговых руководителей¹¹.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что проблема смены жизненных стандартов во властных структурах, связанная с расширением сфер, куда проника-

ли блат, так называемые «полезные связи» и расчёт, тревожила граждан. Тем не менее «традиционалистский» строй мышления и политико-экономическая конъюнктура оказывали влияние на разрастание феномена пользовательской взаимовыручки [Столетова 2020б: 408]. В целом же отметим, что «блат» – это устойчивая реальность, присутствовавшая во всех уровнях общественной жизни второй половины XX в. «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» [Бабашкин: 282–283], – поговорка, как нельзя точно измеряющая ценностные характеристики рассматриваемого времени.

Рост единоличных устремлений отдельных лиц порождал дальнейшие всевозможные нарушения принципов советской торговли, что, безусловно, отражалось на мышлении советских граждан, осмыслении бытия. В фокусе внимания обывателей находился процесс, связанный со скоплением в торговых организациях неходовых товаров, отсутствием в продаже продукции, на которую имелся спрос. В данной связи нельзя не сказать о том, что частной проблемой выступает тема эволюции обыденности экономической жизни и ментальная революция в советском социуме [Безнин, Димони 2020б: 190]. Нельзя не согласиться с доводами А.В. Шубина о том, что с течением времени дефицит превратился в острейший социально-психологический вопрос повседневности, а рост уровня доходов населения постепенно превращался в фактор кризиса. Растущая зарплата не покрывалась товарным обеспечением [Шубин: 151–152, 620]. Значительное количество злоупотреблений производилось во время реализации дефицитных бытовых предметов, мебели. Явление взяточничества распространялось в торгующих, снабженческих и заготовительных организациях, в особенности при назначении на значимые должности или при распределении фондов на товары повышенного спроса. В среде электората выдвигались разнообразные мнения о том, как повлиять на возникшую ситуацию, связанную с организацией теневых производств и торговых предприятий. «В порядке раздумий старого хозяйственника хочется высказать некоторые соображения. На базах и складах накапливается громадное количество неходовых изделий. Проводятся уценки. Народное хозяйство несет ущерб. И все потому, что производитель, выпускающий негодную продукцию, не отвечает за это материально. Следует всемерно развивать сеть фирменных магазинов обувных, швейных, трикотажных, кондитерских и других производственных объединений. Выпуская высококачественную продукцию, предприятие будет процветать. И, наоборот – при выпуске неходовых товаров сразу почувствует финансовые трудности, вынуждено будет безотлагательно устранять свои упущения. Наконец, с пользой для экономики страны будут ликвидированы торги, снаб-

и другие посреднические организации», – рассуждал в 1975 г. в письме в ЦК КПСС гражданин Голь из Ленинграда¹². Продолжая эти размышления, гражданин Шинко из Одессы в письме за 1975 г. заявлял: «В нашей стране до сих пор производится очень много неходовых товаров. Мало помогает их реализации так называемая продажа “в нагрузку”, когда залежалые вещи продаются в комплекте с товарами, пользующимися повышенным спросом. Надо изучать и анализировать спрос населения, своевременно и оперативно корректировать план производства. Ведь неиспользуемые возможности в этом деле оборачиваются омертвлением значительных денежных средств, что наносит немалый урон экономике страны»¹³.

В сложившихся обстоятельствах потребности населения формировали особые нелегальные виды предоставления услуг, капиталистическая суть которых была связана с установлением завышенной стоимости на предлагаемые товары. Так, новой формой предоставления ходовых и дефицитных товаров стал *поквартирный обход с каким-либо торговым предложением*. Явление, перерастающее в устойчивую форму бытия, часто вызывало глубокое неприятие. В данной связи показательно письмо Н.М. Соколовой из Краснодара за 1980 г. Читательница «Правды» задавалась вопросом: «Как объяснить тот факт, что вечерами по домам ходят люди и предлагают дефицитные товары. Значит, есть все это на базарах, только не поступает на прилавки, а распределяется торговыми работниками между собой. Подобная картина стала наблюдаться за последнее время с мощными средствами. В магазинах нет, а по домам ходят целые делегации, не успеваешь двери за ними закрывать. Мы уже знаем: каждый вечер будут звонить спекулянты и предлагать дефицитные товары. Почему с этим явлением никто не борется?»¹⁴.

Одним из распространенных нарушений в сфере торгового дела со стороны хозяйственников и обслуживающего персонала являлся *обсчет, обвес и обмер* покупателей, а также уже упоминаемая выше продажа товаров «в нагрузку». Данные действия имели глубокую историю, а с течением времени стали укоренившимся явлением. Скупщики товара издавна использовали различные способы обмера и обвеса крестьян-продавцов [Слепнев: 219]. Традиция имела свое развитие как в городе, так и в деревне. В записке «О партийно-политической работе на предприятиях торговли и общественного питания Пензенской области» от 1960 г. констатировалось, что злоупотребления в регионе стали нормой, с чем примирились и чему потворствовали руководители магазинов¹⁵. Покупательница Ларинкова из Липецка в 1975 г. сообщила в газету «Советская торговля»: «Нет сил больше терпеть то безобразие, которое творится в магазине № 100 “Прогресс”. Грубость, обвес, обсчет – вот

что царит в этом магазине. Молоко, сметану, творог никогда не купишь неразведенными. Никогда не увидишь за прилавком флягу. За сметаной ходят в подсобку с ведерком. Взять любой отдел, кроме кондитерского, грубость, обвес. В кассе – обсчет. Директора в магазине никогда не видно. Администраторы ругаются с продавцами и покупателями на весь магазин. На замечания о товаре отвечают: “не нравится, не берите”»¹⁶. Л. Багненко из села Пятихатки Херсонской области в 1975 г. отмечала: «Продавец магазина пускает по 2 человека, остальные стоят во дворе. А на счет обчетов, обвешивания – тут она тоже мастер»¹⁷. О недостойном поведении заведующей отделом продовольственного магазина № 1 сообщала покупательница из Полтавской области. Автор письма от 1975 г. сетовала: «Если берешь черного хлеба 2 буханки, то обязан в нагрузку взять буханку белого хлеба»¹⁸.

Документы РГАНИ за 1960–80-е гг. свидетельствуют о том, что расточительство, халатность, транжирство, бесхозяйственность, некачественный и недобросовестный труд, антиобщественный образ жизни, отсутствие бережливости, туеядство, паразитирование за счет родственников имели достаточно широкое распространение как нормы жизни в среде управленцев, рабочих и служащих. В институт рынка, в частности, по причине несформированности нормативной базы вкраплялся определенный тип поведения, отношений и контактов, связанных с перепродажей товаров и установлением наценок, реализации товаров «по связям». При этом часто страдали рядовые сотрудники торговых предприятий и производств, на долю которых списывались недостатки. В свою очередь рядовые покупатели получали некачественный товар либо испытывали лишения от его нехватки. Происходил поворот от коллективистских (присущих идеологии социализма) к узкоклассовым идеалам, коммерциализации деятельности.

«Продать – купить, обойти правила торговли, пойти на обман, но только бы прорваться к автомобильному прилавку», – подобные схемы обрисованы во множестве фельетонов, характеризовавших деятельность тех или иных управленцев¹⁹. Автомобильная тема долгое время была в эпицентре партийных разбирательств разных уровней, а вместе с тем волновала свидетелей происходящего. Коммунисты из г. Иджевана Армянской ССР писали в «Правду» в 1979 г., что председатель Иджеванского горисполкома, взяв в свои руки распределение поступающих в продажу автомашин, с каждого покупателя брал 2 тыс. рублей сверх стоимости машины. 98 тысяч рублей остались в карманах участников «операции». Когда дело раскрылось, многих наказали, однако руководитель остался на своем посту²⁰. В том же году в «Правду» писал С. Ахмедшин из г. Белорецка Башкирской АССР. Автор признавал: «Не отличается наш секре-

тарь горкома КПСС скромностью – государственные машины превращает в личные, а личные продает»²¹. Рабочая группа Суздальского совхоза из г. Горячий Ключ Краснодарского края оповещала в 1980 г. редакцию «Правды»: «Второй секретарь горкома партии распределял легковые автомобили по выгодным людям и таким способом продал более 30 машин»²². В ключе данных рассуждений необходимо упомянуть о сегменте роли государства в данном процессе. По мнению С.Г. Кордонского, Россия всегда являлась ресурсным государством, в котором ресурсы распределялись между сословиями. «Существовали сословия наиболее важные для социалистического строительства. Они получали несравнимо больше ресурсов, чем относительно менее важные. Кому-то полагались мандарины, говяжья вырезка и импортный кофе, а кто-то должен был благодарить партию и вести личное подсобное хозяйство», – писал ученый [Кордонский: 49, 59]. Согласно изысканиям О.Э. Бессоновой, совокупность «сдач» в сочетании с совокупностью «раздач» непрерывно корректировались жалобами на нарушение норм сбора ресурсов-сдач и норм раздач [Бессонова; Кордонский: 49]. Как отмечала, Е.С. Балабанова: «Институты пожалований и жалоб обусловили приспособление к специфическим каналам получения материальных благ – не через независимость и свободную конкуренцию, а через лояльность к власти (материальные блага не “зарабатывались”, а “заслуживались”». «Раздаточная» экономика и служебная организация труда формировала преобладание в сознании людей веры в верховную власть [Балабанова; 72]. Однако образы начальников предприятий и колхозно-совхозных производств не всегда соответствовали народным идеалам. Например, повесть «Сирота» писателя А.Я. Яшина, изданная в 1963 г., обнажает персонажей колхозных руководителей иного типа. Так, глава колхоза «Красный Боровик» Прокофий Кузьмич твердо усвоил, что он полный «хозяин колхоза»: и земли, и колхозного имущества, и самих колхозных рабочих и колхозного производства. Взятничеством председатель занимался систематически. В стиль его общения прочно вошли приказ, ругань, издевка, угрозы. Этот невежественный стиль управления призвал героя повести А. Яшина Шуру иронично назвать колхоз «Красный Боровик» артелью «Напрасный труд» [Столетова 2020а: 416–417]. Дело в том, что отношение к вверенному в управление достоянию и имуществу в среде протобуржуазии, в частности в кругу промышленных и сельскохозяйственных руководителей предприятий, связывалось с владельческими позициями хозяина, консервацией собственнических понятий и стяжательских настроений. Как отмечала Е.С. Балабанова, «наделение собственностью человека в раздаточной экономике означало его «привязывание»

к государству. Строго говоря, в национальной экономике преобладали не столько отношения собственности, сколько владения, поскольку все слои населения в той или иной форме были законодательно прикреплены к земле». Автор справедливо обозначила факт того, что раздаточная экономика определяла условный характер владения собственностью, а условия этого владения не исчерпывались формальными требованиями исполнения государственных обязанностей, но в значительной степени определялись произволом государства и его представителей. Поэтому в России борьба за экономические ресурсы заключалась не столько в получении их в собственность, сколько в захвате контроля над их распределением. В данных условиях на вершине экономической иерархии оказались не собственники, но распорядители ресурсов [Балабанова: 73, 74].

Обобщая сказанное, отметим, что на протяжении второй половины XX в. обновлялась психология хозяйственного управления, опирающаяся на экономическое сознание, модернизировалась общественно-психологическая сторона экономической жизни, а сообразно движению капитализации изменилось отношение к комфорту и обеспеченному быту. Явления землячества, кумовства, блат и ситуации систематического нарушения принципов советской торговли отражали процесс нравственного перерождения социальной психологии и эстетики труда советских граждан. Конечно, нельзя не принять во внимание личностные особенности и разнообразие психологических регуляторов поведения представителей производственной сферы. Однако источниковый материал дает основание полагать, что к 1980-м гг. потребительский идеал рабочих и служащих, производственных интеллектуалов (по подобию производственной протобуржуазии, производственного и надпроизводственного менеджмента) трансформировался в сторону накопительства материальных средств и собственности, при этом традиционные ментальные скрепы продолжали оставаться устойчивыми. Граждане писали о важности совместного досуга среди соседей, индивидуальный быт еще не укоренился в сознании людей (люди тяготели к жизни в бытовых коммунах), изолированность вызывала депрессивные чувства [Столетова 2020б: 410]. В то же время в рабочей среде к 1980-м гг. прочно укрепились представления и осознание себя как класса, не связанного с деревней. Так, в документе «О недостатках в работе партийных организаций Пермской области...» указывалось, что в колхозе им. Ленина (Пермская область) работал гражданин Григорьев. «Росли доходы колхоза, улучшалась и жизнь Григорьева. Однако личные интересы стали преобладать над общественными. В колхозе он работал всего 2–3 месяца в году, искал высоких заработков. Тем временем он расширил свое

хозяйство. На рынке он сбывал овощи, мясо, молоко, мед. Когда о нем вспомнили в партийной организации и в райкоме КПСС, было уже поздно. Григорьев заявил: «Да я, пожалуй, не подхожу для партии»²³. Закономерно, что в роли источника дополнительного дохода рассматривалось не только личное подсобное хозяйство, но и работа в лесной отрасли. Например, многие колхозники Краснокамского района Пермской области, имея хорошие добротные дома и достаточную жилую площадь, строили вторые дома. Всю свободную жилплощадь они сдавали в аренду под детские учреждения и дачи, получая от этого доход до 5 тыс. рублей за сезон²⁴.

Укажем, что в центре исследования находится период, когда происходили серьезные реформы в экономике, поворот к обсуждению рыночных механизмов экономического развития. Это оказывало мощное влияние на ментальное восприятие. Письменные источники свидетельствуют, что объем хищений характеризовался масштабностью, в них участвовало довольно значительное количество граждан от управленцев до разного рода служащих. В свою очередь этот факт говорит о том, что собственность как категория являлась одной из площадок развития новой специфической черты в парадигме взглядов поколения второй половины XX в. В архивных документах изобилуют сведения по этому поводу. В информационной записке «О недостатках в работе партийных организаций Пермской области по воспитанию коммунистического отношения к труду» от 1960 г. отмечалось, что «под маркой кооператива застройщиков индивидуальных домов в строительном тресте № 11 г. Перми длительное время орудовали расхитители социалистической собственности во главе с прорабом Щадричевым. Руководство имело сигналы от рабочих, что «кооператив» расхищает социалистическую собственность, использует технику, механизмы для строительства личных домов. Однако общественные организации не только не призвали к порядку расхитителей народного добра, но даже взяли их под защиту»²⁵.

Пользование общественным имуществом, средствами производства и той или иной продукцией нередко рассматривалось как возможная сфера для материального обогащения. Коллективное сознание, выработанное в условиях экономической и политической нестабильности, ориентировало человека на потребительство. Мобилизационная идеология «общего дела» и эталон построения общества на принципах справедливости, солидарности, корпоративной взаимопомощи постепенно нивелировались, интересы смещались в сторону преумножения личного благосостояния. При этом одним из важнейших вопросов, волнующих обывателей, являлась тема внесения корректив в систему заработной платы, которая, как показывают

источники, к середине 1970-х гг. нуждалась в серьезном реформировании. В данной сфере также установились свои негласные законы и обычаи. Выступления против многих из них присутствуют в письмах. Авторы сообщений в ЦК КПСС в целях экономии средств и совершенствования организации работы считали целесообразными к рассмотрению проблемы сокращения управленческого аппарата, упразднения лишних звеньев в министерствах, ведомствах, предприятиях, а также рационального распределения премиального фонда, устранения причин низкого уровня производительности труда и др. Так, в письме за 1975 г. предавался раздумьям экономист Шафирович из Свердловска: «Сдельная оплата труда порой отрицательно сказывалась на качестве выпускаемой продукции. Бывает, что люди не знают, за что им дают премию. Где-то по какому-то пункту предприятие выполнило план, и всем начисляются премии. А правильно ли это? Многие предприятия прекрасно приспособились за счет сокращения номенклатуры выпускаемой продукции и срыва договорных обязательств выполнять планы и получать премии. Такое становится возможным потому, что с предприятия спрашивают реализацию продукции в суммарном выражении. Основным критерием, определяющим работу предприятия, должно быть безусловное выполнение договорных обязательств, соблюдение качества, номенклатуры, сроков поставки, а отсюда – и премии»²⁶. «В настоящее время в ряде отраслей народного хозяйства производительность труда еще не достигла необходимого уровня. Одна из причин этого кроется в отсутствии у работающих непосредственной заинтересованности в ее росте. “Как платят, так и работаю”, – можно услышать очень часто. В целях повышения производительности труда следовало бы при тех же фондах заработной платы отказаться от ограничений размеров средней заработной платы. Этим мы создадим условия, при которых люди будут работать в полную силу», – отмечал в 1975 г. гражданин Рогов из Ростова-на-Дону²⁷. «На многих предприятиях немало рабочих занято производительным трудом лишь по 5–6 часов в смену. Остальное время уходит на многочисленные перекуры, разговоры, подготовку и уборку рабочего места. Существующая система оплаты не стимулирует рост производительности труда. Добросовестно относящиеся к работе осуждают такую систему, считают ее тормозом в повышении эффективности производства», – говорилось в письме гражданина Сидорова из Гомеля за 1975 г.²⁸ В письме из Москвы от анонимного автора указывалось, что «много где бытует порочная практика совместительства, зачисления в штаты “мертвых душ”. Есть примеры, когда люди числятся инженерами и зарплату получают как инженеры, а работают фактически машинистка-

ми, делопроизводителями и т. п. Так по “мелочам” разбазариваются десятки и сотни тысяч рублей народных денег. А этого не должно быть»²⁹. В значительном объеме писем отмечены ситуации, связанные с необходимостью применения мер воздействия к недисциплинированным работникам, активизации борьбы с туеядством и разгильдяйством, так называемыми “летунами”, ввиду множественности и разрастания данных явлений³⁰. «Поймите – это крик души руководителя одного из небольших предприятий. Я уже более 20 лет работаю с людьми и вижу, что разболтанность принимает угрожающие размеры», – сообщил в 1975 г. гражданин Хорош из Курганской области³¹.

Подводя итог, отметим, что начиная с 1960-х гг. и на протяжении советского периода в государственной экономике утверждались новые обычаи. Особенно явно это просматривалось в институтах власти, рынка и собственности. Обычай действовал синхронно с законом. Расхожий тезис «общественное – это ничье» давал старт распространению хищений социалистической собственности и присвоению имущества. В контексте размышлений отметим, что вопросы собственности в социальной системе советского общества принадлежали к числу ключевых. Как государственная, так и общественная охрана народного достояния являлись необходимыми элементами полноценного жизнеобеспечения социума. Такого мнения придерживались представители сельских рабочих, городского рабочего класса, служащих, пенсионеры, производственные интеллектуалы, сообщавшие во властные структуры о тех или иных нарушениях, связанных с хищениями, воровством, денежными махинациями, и требовавшие социальной справедливости. Стоит обозначить, что отношение к хищениям отличалось разноплановым и разноаспектным восприятием. Трудящиеся достаточно спокойно относились к небольшому воровству на производстве, нередко считая их нормой, но присвоения в торговой сфере вызывали устойчиво неодобрительную реакцию. В жалобах и письменных сообщениях в основном фигурировали имена ответственных лиц, начальников и всех тех, кто, как правило, имел доступ к материальным ресурсам. По свидетельствам эпистолярных источников, запущенный коррупционный механизм являлся основой внедрения новых устоев, часто связанных с негативной стороной ментальных свойств и качеств, в итоге приведших к вызреванию индивидуалистских начал, единоличных мотивов сознания производственной элиты и производственного менеджмента. Эти условия стали основой размежевания среди категорий производственного социума.

Черты мировоззрения рабочего класса рознились с представлениями производственной протобуржуа-

зии. Все большие проявления семейственности, клановости, кумовства, землячества, блатов, личностного разложения, сопредельность власти и высокого уровня материального достатка вызывали неприятие со стороны рядовых трудящихся. Люди, противящиеся установлению порядков и практик, транслируемых теми или иными должностными лицами, подвергались разного рода ограничениям и стеснениям, что заставляло многих закрывать глаза на происходящее. Жизнеспособность приверженности обычаям, установившимся в советский период, подтверждает эмпирическое исследование А.Ю. Согомонова, согласно которому наиболее допустимый способ достижения успеха в постсоветской России – «пойти на правовые нарушения, но не пренебречь при этом обычаями, традициями» [Барсукова: 59–60]. Социальные ситуации, связанные с утверждением тех или иных лиц в должности, распределением квартир, организацией хищений, спекулятивных форм деятельности, торговых предложений и установлением торговых связей порождали внедрение и культивацию негласных общественных законов. Их укоренение соседствовало с искажением мировоззренческих представлений граждан, разрастающимся явлением туеядства, нежеланием работать на благо государства. Авторы писем во власть улавливали эти импульсы, представляли проекты необходимых изменений, на их взгляд, направленных на пресечение развития нежелательных для производственного социума и советского общества традиций. Однако, как показало время, обывателям вряд ли удалось оказать серьезное влияние на ход исторических событий и закономерностей.

Примечания

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 68. Д. 267. Л. 64, 66, 67.

² Там же. Л. 75.

³ Там же. Л. 110.

⁴ Там же. Л. 57.

⁵ Там же. Л. 98.

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 432. Л. 2–3.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 267. Л. 76.

⁸ Там же. Л. 76–77.

⁹ Там же. Л. 77.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 1030. Л. 22.

¹¹ Там же. Л. 60, 61, 111–113.

¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 2178. Л. 38–39.

¹³ Там же. Л. 39.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 16–17.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 74. Л. 25–26.

¹⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 1030. Л. 114.

¹⁷ Там же. Л. 115.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См., например: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 267. Л. 99.

- ²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 68. Л. 3–4.
²¹ Там же. Л. 29.
²² Там же. Л. 31.
²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 76. Л. 4–5.
²⁴ Там же. Л. 6.
²⁵ Там же. Л. 2–3.
²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 2178. Л. 39.
²⁷ Там же. Л. 40.
²⁸ Там же.
²⁹ Там же. Л. 41.
³⁰ Там же. Л. 42.
³¹ Там же.

Список литературы

Бабашкин В.В. Крестьянский менталитет как системообразующий фактор советского общества // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 276–284.

Балабанова Е.С. Особенности российской экономической ментальности // Мир России. 2001. № 3. С. 67–77.

Барсукова С.Ю. Неформальная экономика и система ценностей россиян // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 57–62.

Безнин М.А., Димони Т.М. «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930–1980-е гг.) // Вопросы истории. 2020а. № 10 (2). С. 42–60.

Безнин М.А., Димони Т.М. Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020б. Т. 13. № 4. С. 186–201. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11.

Безнин М.А., Димони Т.М. Производственный менеджмент в советской экономике 1930–1980-х годов // Социально-экономическое развитие России во второй половине XX века: истоки, взгляды, процессы: материалы Междунар. науч. конф.; Вологда, 14–15 октября 2020 г. Вологда: ВоГУ, 2020в. С. 36–63.

Безнин М.А., Димони Т.М. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 437–453. DOI 10.21638/11701/spbu24.2019.209.

Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России эволюция через трансформации. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 144 с.

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России // Мир России. 2008. № 3. С. 37–66.

Никифоров Ю.С. Региональные и отраслевые аспекты неравенства и правового размежевания производственного социума в позднем СССР (1950–1980) // Вестник Костромского государственного универси-

тета. 2021. Т. 27. № 2. С. 76–81. DOI 10.34216/1998-0817-2021-27-2-76-81.

Слепнев И.Н. Новые рыночные реалии и их преломление в менталитете пореформенного крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 215–227.

Столетова А.С. История трансформации уклада деревенской жизни в повести А.Я. Яшина «Сирота», осмысленная эмигрантом Т.К. Чугуновым // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность: сб. науч. ст. Budapest: Selmeczi Bt.; Киров: Радуга-Пресс, 2020а. С. 412–419.

Столетова А.С. Материальное положение советских граждан в зеркале общественного мнения 1960–1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ) // Научный диалог. 2020б. № 3. С. 402–422. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422.

Столетова А.С. Размежевание производственного социума в условиях новой обыденности 1950-х гг. (на примере писем рабочих в ЦК КПСС) // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. 2021. № 2 (21). С. 17–21.

Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. Москва: РОССПЭН, 2001. 766 с.

References

Babashkin V.V. *Krest'yanskij mentalitet kak sistemoobrazuyushchij faktor sovetskogo obshchestva* [Peasant mentality as a system-forming factor of Soviet society]. *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.): materialy mezhdunarodnoj konferencii* [The mentality and agrarian development of Russia (XIX–XX centuries): materials of the international Conference]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1996, pp. 276–284. (In Russ.)

Balabanova E.S. *Osobennosti rossijskoj ekonomicheskoj mental'nosti* [Features of the Russian economic mentality]. *Mir Rossii* [The World of Russia], 2001, № 3, pp. 67–77. (In Russ.)

Barsukova S.YU. *Neformal'naya ekonomika i sistema cennostej rossiyan* [Informal economy and the system of values of Russians]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2001, № 1, pp. 57–62. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. «*Nadproduzvodstvennyj» menedzhment v sovetskoj ekonomike (1930–1980-e gg.)* [“Above-production” management in the Soviet economy (1930–1980-ies)]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2020а, № 10 (2), pp. 42–60. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Kollektivnaya kapitalisticheskaya sobstvennost' v institucional'nom ustrojstve Rossii 1930–1980-h gg.* [Collective capitalist property in the institutional structure of Russia in the 1930s–1980s.]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty,*

tendencii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2020b, vol. 13, № 4, pp. 186–201. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Proizvodstvennyj menedzhment v sovetskoj ekonomike 1930 – 1980-h godov* [Production management in the Soviet economy of the 1930s-1980s]. *Social'no-ekonomicheskoe razvitiie Rossii vo vtoroj polovine HKH veka: istoki, vzglyady, processy: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Socio-economic development of Russia in the second half of the twentieth century: origins, views, processes: materials of the International Scientific Conference], Vologda, 14–15 oktyabrya 2020 g. Vologda, VoGU, 2020v, pp. 36–63. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Sovetskaya protoburzhuziia: genezis vysshego klassa rossijskogo obshchestva* [The Soviet Proto-bourgeoisie: the genesis of the Upper class of Russian society]. *Novejshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2019, vol. 9, № 2, pp. 437–453. DOI 10.21638/11701/spbu24.2019.209. (In Russ.)

Bessonova O.E. *Razdatochnaya ekonomika Rossii evolyuciya cherez transformacii* [The distribution economy of Russia evolution through transformation]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN) Publ., 2006, 144 p. (In Russ.)

Kordonskij S.G. *Soslovnaya struktura postsovetskoj Rossii* [The estate structure of post-Soviet Russia]. *Mir Rossii* [The World of Russia], 2008, № 3, pp. 37–66. (In Russ.)

Nikiforov YU.S. *Regional'nye i otraslevye aspekty neravenstva i pravovogo razmezhevaniya proizvodstvennogo sociuma v pozdnem SSSR (1950-1980)* [Regional and sectoral aspects of inequality and the legal division of industrial society in the late USSR (1950-1980)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2021, vol. 27, № 2, pp. 76–81. DOI 10.34216/1998-0817-2021-27-2-76-81. (In Russ.)

Slepnev I.N. *Novye rynochnye realii i ih prelomlenie v mentalitete poreformennogo krest'yanstva* [New market realities and their refraction in the mentality of the post-Reform peasantry]. *Mentalitet i agrarnoe razvitiie Rossii (XIX–XX vv.)*. *Materialy mezhdunarodnoj konferencii*

[The mentality and agrarian development of Russia (XIX-XX centuries): materials of the international Conference]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996, pp. 215–227. (In Russ.)

Stoletova A.S. *Istoriya transformacii uklada derevenskoj zhizni v povesti A.Ya. Yashina «Sirota», osmyslennaya emigrantom T.K. CHugunovym* [The history of the transformation of the way of village life in the story of A. Ya. Yashin “The Orphan”, comprehended by the emigrant T.K. Chugunov]. *Emigraciya kak tekst kul'tury: istoricheskoe nasledie i sovremennost': sbornik nauchnyh statej* [Emigration as a text of culture: historical heritage and modernity: a collection of scientific articles], Budapest, Selmeczi Bt. Publ.; Kirov, Raduga-Press Publ., 2020a, pp. 412–419. (In Russ.)

Stoletova A.S. *Material'noe polozhenie sovetskikh grazhdan v zerkale obshchestvennogo mneniya 1960–1980-h godov (po dannym pisem v central'nye organy vlasti i SMI)* [The financial situation of Soviet citizens in the mirror of public opinion of the 1960s-1980s (according to letters to the central authorities and the media)]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2020b, № 3, pp. 402–422. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422. (In Russ.)

Stoletova A.S. *Razmezhevanie proizvodstvennogo sociuma v usloviyah novej obydenosti 1950-h gg. (na primere pisem rabochih v CK KPSS)* [The division of the industrial society in the conditions of the new everyday life of the 1950s (on the example of workers' letters to the Central Committee of the CPSU)]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoričeskie i filologičeskie nauki* [Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences], 2021, № 2 (21), pp. 17–21. (In Russ.)

SHubin A.V. *Ot «zastoya» k reformam. SSSR v 1917–1985 gg.* [From “stagnation” to reforms. The USSR in 1917-1985]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 766 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.04.2021; одобрена после рецензирования 03.07.2021; принята к публикации 18.05.2021.

The article was submitted 29.04.2021; approved after reviewing 03.07.2021; accepted for publication 18.05.2021.